

Научная статья

УДК 94(47).083.4

DOI 10.24412/2541-9056-2026-138-27-39

Шифр научной специальности 5.6.1.

**РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ
ПРОВИНЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ РОССИИ**

**Елена Анатольевна Кирьянова, Александр Сергеевич Романика,
Андрей Николаевич Терехин¹**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
390000, Российская Федерация, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46

✉ e.kiryanova@rsu-rzn.ru

Финансирование. Статья опубликована в рамках субсидии из федерального бюджета образовательным организациям высшего образования на реализацию мероприятий, направленных на поддержку студенческих научных сообществ.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Аннотация

Целью статьи является рассмотрение вопросов общественных настроений населения провинции Центра России и его реакции на события русско-японской войны. Проанализированы трансформация взглядов провинциальных жителей на характер, события и итоги войны, модификация восприятия ими внешних и внутренних врагов под влиянием военных событий. Актуальность темы связана с малоисследованностью основных аспектов восприятия войны жителями провинции, а также важностью этих вопросов для понимания истоков событий 1914-1922 годов. Источниковой базой исследования послужили материалы Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Рязанской области, публикации в печатных изданиях начала XX века («Будильник», «Тульские епархиальные ведомости», «Рязанские епархиальные ведомости» и др.), воспоминания участников и современников событий. В качестве методов исследования использованы исторический и логический методы, которые позволили выявить причинно-следственные связи, рассмотреть процессы в развитии, проанализировать имеющиеся источники и литературу. Проблемный и системный методы дали возможность провести последовательный анализ общественных настроений в течение всего периода русско-японской войны, выявить тенденции в настроениях населения и восприятии им врага. В результате исследования сделаны выводы о формировании двух направлений в общественно-политической жизни провинции, первое из которых связано с восприятием войны как некоего долга, требующего консолидации общества, героизма на полях сражений, а в тылу – организации помощи фронту. Второе направление выразилось в том, что общество оказалось не готово к тем лишениям, которые принесла война, что привело к росту критических настроений по отношению к войне и власти.

Ключевые слова: русско-японская война, провинциальная печать, общественные настроения, восприятие, образ врага, агитация

¹© Кирьянова Е.А., Романика А.С., Терехин А.Н., 2026, Открытый доступ предоставляется на условиях

**THE RUSSIAN-JAPANESE WAR AND THE SOCIO-POLITICAL LIFE
OF THE PROVINCES OF CENTRAL RUSSIA**

Elena A. Kiryanova, Alexandr S. Romanika, Andrey N. Tererhin

Ryazan State University named for S.A. Yesenin
46 Svobody St., Ryazan, 390000, Russian Federation

✉ e.kiryanova@rsu-rzn.ru

Abstract

The purpose of the article is to consider the issues of public sentiment of the population of the province of Central Russia and their reaction to the events of the Russian-Japanese war. The article analyzes the transformation of provincial residents' views on the nature, events and results of the war, as well as the modification of their perception of external and internal enemies under the influence of military events. The relevance of the topic is related to the little-studied nature of the main aspects of the perception of the war by the provincial inhabitants, as well as the importance of these issues for understanding the origins of the events of 1914-1922. The research is based on materials from the State Archive of the Russian Federation, the State Archive of the Ryazan Region, print publications of the early twentieth century (Budil`nik, Tula Diocesan Vedomosty, Ryazan Diocesan Vedomosty, etc.), memoirs of participants and contemporaries of the events. Historical and logical methods were used as research methods, which made it possible to identify cause-and-effect relationships, examine development processes and analyze available sources and literature. Problematic and systematic methods made it possible to conduct a consistent analysis of public sentiment throughout the Russian-Japanese war, to identify trends in public sentiment and perception of the enemy. As a result of the study, conclusions were drawn about the formation of two directions in the socio-political life of the province, the first of which is associated with the perception of war as a kind of duty requiring the consolidation of society, heroism on the battlefields, and in the rear – the organization of assistance to the front. The second trend was expressed in the fact that society was not ready for the hardships that the war brought, which led to an increase in critical attitudes towards the war and the government.

Keywords: Russian-Japanese war, provincial press, public sentiment, perception, image of the enemy, agitation

Война против Японии открыла для России период потрясений, обнажив глубокие социально-политические противоречия, затронув в том числе прежде спокойный провинциальный мир. Кампания 1904–1905 гг. предстала для России прообразом вооруженных конфликтов новой эпохи, мобилизующих значительные внутренние силы, критически влияющих на психику человека и психологию общества, размывающих грань между фронтом и тылом.

Противостояние России и Японии активно освещалось в дореволюционной и советской историографии, в центре внимания были вопросы военной тактики и влияния политики самодержавия на неудачи кампании. Современная наука обратилась к проблеме внутреннего мира «человека воюющего». Магистральными являются труды Е.С. Сенявской [27; 28]. Научный интерес представляют исследования А.В. Гущина [16] и Э.А. Воробьевой [7]. Но менее изучены такие аспекты как ментальность населения в период русско-японского противостояния, восприятие «маленьким человеком» образов внешних и

внутренних врагов, социально-политические изменения на периферии под влиянием военных катаклизмов. Их анализ позволяет всесторонне реконструировать события и процессы, приведшие Россию к потрясениям 1914–1922 гг.

Российская провинция к началу XX в. сочетала черты традиционного общества и веяния модернизационных процессов второй половины XIX в. Периферия центра страны не имела опыта легального политического участия, массового вовлечения в революционные процессы, бунтарских или национально-освободительных настроений окраин империи. Однако усложнение социальных отношений, увеличение доступности образования и разнообразной литературы, проникновение достижений науки и техники сказывались на политизации провинциальной жизни, росте общественной активности провинциальных жителей. К изменению характера общественно-политических отношений местные власти зачастую оказывались не готовы, опираясь

лишь на бюрократические инструменты и присутствующие прежнему веку ценностные установки.

Представители периферии центральной части России не имели детального представления о Японии (впрочем, как и жители столицы) [17, с. 144]. У читающей публики оно основывалось на художественной литературе (например, «Фрегат «Паллада» И.А. Гончарова), поэтому имело образ «заморских» стран. Представители Генерального штаба русской армии ездили по стране с лекциями о военной силе противника и его социально-политическом развитии, чтобы сформировать общественное мнение гражданской и армейской аудитории в свою пользу. Однако лекторы не были в Японии, не встречались с ее жителями и тенденциозно подбирали источники [13, с. 105-106]. Энтузиасты устраивали выставки азиатской культуры, не пользовавшиеся популярностью [35, с. 112-113]. Провинциальная масса, погруженная в обыденные дела, мало интересовалась историей и современностью далекой Азии. Поэтому для нее образ Японии как диковинной страны под влиянием правительственной пропаганды сменился представлением о всесторонней отсталости. Вместе с удаленностью театра военных действий это рождало у населения чувство зрелища, в котором Россию непременно ждет триумф.

Победоносные лозунги и национальные стереотипы продвигала легальная печать, в которой зачастую описывались грубость, жадность, невежество, агрессивность японцев. Совокупность этих качеств обосновывала вероломство и коварство их нападения на Россию. Известный сатирический журнал «Будильник», обращавшийся к провинциальным темам и общественным проблемам, в январском номере 1904 г. поместил карикатуру на слабого японца, объясняя: «Маленькая, игрушечная Япония затеяла опасную игру. С пушками, броненосцами, скорострельными ружьями, сухопутными и морскими армиями. Эта игра давно известна старой, искусившейся Европе, которая научилась осторожно обращаться с огнем. Но пылкая Япония не знает удержа в обезьяньем стремлении перещегольнуть Европу» [35, с. 112-113]. Следующие выпуски наполнены карикатурами, представлявшими Японию марионеткой великих держав, которой суждено потерпеть

сокрушительное поражение [5, 1904, №4, с. 1, 5; 1904, №8, с. 1, 5; 1904, № 10, с. 1, 5; 1904, № 11, с. 5; 1904, № 15, с. 1, 5; 1904, № 20, с. 1, 5], а также в облике неблаговидных животных (свиньи, лягушки, обезьяны, крысы) [5, 1904, №5, с. 3; 1904, №6, с. 1; 1904, №7, с. 5; 1904, №11, с. 5; 1904, №12, с. 1, 5].

Примечательно, что авторы «Будильника» оказались настолько увлечены высмеиванием Японии, что в выпусках 1904 г. не обращались к темам внутренней политики и общественного развития России. Отсутствие громких побед делало карикатуры только злее – «воинственным макакам», «воинствующим цветнокожим» приписывались всевозможные личностные и социальные пороки [5, 1904, №12, с. 1,5; 1904, №14, с. 1,5; 1904, №18, с. 1,5]. Новости о первых успехах японской армии трактовались как «мыльные пузыри» и «медовый месяц», письма, «написанные на воде» [5, 1904, №9, с. 5; 1904, №12, с. 1, 5]. В одном из номеров и вовсе говорилось: «Белый цвет, как сочетание цветов – самый совершенный, и белая цивилизация также совершенная» [5, 1904, №14, с. 5].

Губернские издания центральной части страны также были наполнены мнениями о скорой победе России и военно-политической отсталости Японии. Внимание уделялось героизму русских солдат, что сопоставлялось с былинными подвигами. Активно описывались случаи плохой воинской организации, массовых случаев бегства с поля боя, огромных потерь противника [32-35; 20, 21]. Публиковались новости о жертвованиях населения на нужды фронта, что позиционировалось как проявление верноподданнических чувств [36, 1904, №11, с. 3].

В местной печати обычно отсутствовали разборы достоинств отечественного общественно-политического устройства и военной системы, причины будущей победы сводились к высоким качествам русских воинов и низости японских. Это объяснялось низким уровнем образования и культуры авторов, боязнью цензуры, отсутствием новых идейных установок со стороны самодержавной власти. Эти особенности провинциальной печати позволяли оппозиции усиливать свое влияние. В период потрясений начала XX в. значительная часть населения оказалась готова жертвовать собой

ради справедливого в их понимании будущего социально-политического устройства, а не абстрактной героической истории и духовности России [3, 10].

Непринадлежность японцев к христианской цивилизации определяло их восприятие провинциальным населением как «врагов-язычников», представителей «низкой» культуры. Народ будоражило наличие у противника множества божеств, что рассматривалось проявлением идолопоклонничества и дьявольских сил. Эта тема развивалась на церковных службах и в церковной печати. Защита православия от посягательств зла объясняла обывателям причины конфликта на отдаленной и малознакомой им территории [2].

Рязанский губернатор после начала войны лично просил епископа Зарайского и Рязанского Аркадия (Карпинского) удовлетворить просьбу городского общественного управления о совершении в кафедральном соборе молебна о здравии императора и победе над противником, что было исполнено [11. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1335. Л. 1]. В речи перед началом молебна на заседании рязанского дворянства епископ назвал японцев «полудикой ордой монголо-язычников, обрушившихся на наши пределы», напоминая про оборону русских земель от войск Батыя [26, 1904, №7-8, с. 209]. Перед молебном в Тульском кафедральном соборе ректор местной духовной семинарии архимандрит Георгий говорил: «Мы преследовали и преследуем на Дальнем Востоке высокие цели мирного насаждения христианской культуры и славу Имени Христова» [31, 1904, №3, с. 58]. В статье «Тульских епархиальных ведомостей» говорилось о зле вокруг России – «язычниках-японцах, идущих на покорение Православного Царства» [31, 1904, №16, с. 499]. В «Орловских епархиальных ведомостях» война рассматривалась как «борьба двух мировых идей, двух созерцаний, диаметрально противоположенных друг другу – язычества и христианства» [22, 1904, №42, с. 967]. Церковь организовывала и различные мероприятия для распространения обозначенного взгляда на причины войны. Например, провинциальные священники собирали пожертвования на бесплатную раздачу Библии раненым русским солдатам [30, 1905, №7, с. 196-197]. «Рязанские епархиальные ведомости» приво-

дили пример клеветы в японских газетах на православных миссионеров в Корее, подчеркивая низкие моральные устои противника. Тщеславие и коварство противника контрастировало на страницах «Ведомостей» с русской губернской жизнью, построенной на православных ценностях любви, семьи и взаимопомощи.

Епархиальная печать делала акцент на консолидации общества, государства и церкви для успешного отпора врагу. Однако пути достижения были разные – «Господня воля», духовный подвиг соседствовали с внутри- и внешнеполитическими задачами, создавая почву для будущих социально-политических конфликтов. В «Тульских епархиальных ведомостях» неизвестный автор писал о служении «духу русского народа» во время войны, которая является «величайшим бедствием». Он противопоставлял высокие чувства «хвастливому квасному патриотизму» [31, 1904, №4, с. 86-88]. В октябрьском выпуске 1904 года на фоне неудач русской армии говорилось: «Не похвальбой, не шовинистическими криками должны мы в эту минуту провожать нашу рать на подвиг, но сознанием, что нет победы без воли Божьей». Военный конфликт позиционировался испытанием истинности веры [31, 1904, №20, с. 634]. В других статьях говорилось о «без прекословия повиновении» всем распоряжениям императора и правительства; войне и против японцев, и против «изменников и гадов [оппозиции]» для защиты власти православного царя; купленных либералах, желавших поражения своей стране [31, 1904, №3, с. 57-58; 1904, № 5, с. 126-127; 1904, №6, с. 160-163]. Интересна позиция основателя православной церкви в Японии Николая (Касаткина) в преддверии конфликта, опубликованная в «Рязанских епархиальных ведомостях»: «Если же все-таки не избежать нам несчастья увидеть войну, то вы, [православные] японцы, конечно, должны сражаться за Японию и осуществить христианскую любовь в своих самоотверженных действиях. Воевать с врагами вовсе не значит ненавидеть их, а только защищать свое отечество» [26, 1904, №2, с. 72].

Воинствующая позиция духовенства во время неудачной японской кампании выступила предпосылкой роста антирелигиозных

настроений, восприятия церкви проводником устаревших и захватнических проектов самодержавия. Допустимость религиозно-освободительных войн для населения сменяется идеей о справедливости конфликтов, ведущих к избавлению масс от эксплуатации со стороны власть имущих.

Но и локальное церковное сообщество не было однородно в оценке войны. Ухудшение благосостояния населения снижало доходы приходов, которые и так в начале XX в. являлись скромными [29, с. 34-35; 34; 2]. Это обстоятельство и начавшаяся революция усиливали дискуссии об оплате треб и зависимости церкви от государства [18, с. 34-36]. Автор «Тверских епархиальных ведомостей», призывая население не участвовать в революционном движении, был вынужден отметить: «Война обнаружила очень заметно слабость и спутанность действия нашего государственного механизма ... бюрократическая централизация заняла явно преувеличенное значение в государстве, нарушая самостоятельность Церкви, вызывая во всех классах недовольство» [30, 1905, №12, с. 317]. Характер войны на Дальнем Востоке приходил в несоответствие с миротворческой и гуманистической позицией христианского учения, что вводило в смятение не только прихожан, но и некоторых представителей церкви. Известный священник Г.С. Петров писал после начала кампании: «Пожелания войны и приветствие наступления ее, как средства подъема общего одушевления, представляют из себя проявление духовной беспомощности, какого-то внутреннего отчаяния. Напоминают беспросветную и безнадежную глушь забытого людьми и, в свою очередь, забывшего людей провинциального городка» [23, с. 15].

Для крестьянской массы важным источником информации о событиях и процессах Русско-японской войны помимо церковных мероприятий и слухов стали лубки на тему военного и общественно-политического превосходства России над противником. Красочность картинок, яркие и небольшие по объему тексты привлекали внимание. Лубки имели легко понятные сюжеты и множество деталей, что заставляло долго их рассматривать, обдумывать, обсуждать.

В лубках отразились стереотипы о японцах начального этапа войны, а их сюжеты явно указывали на низкий уровень общественного и культурного развития врага. Распространялись сюжеты о Японии как марионетке европейских и американских политиков и капиталистов [28, с. 35; 31, с. 85-87; 33, с. 37-38]. Низкорослые японцы в лубках рисовались слабыми воинами – «маленькая Япония» и ее «маленькие солдаты» не оставляли сомнений, что Россию ждет победоносная война. Противника представляли ребенком, которого накажет «взрослая» Россия. Это контрастировало с образом отечественного солдата – «богатыря» и «мужика», который при помощи отваги и сообразительности громит врага. Популярен был и облик благородного офицера в ослепительно белой форме. Россия представлялась мудрой и отважной женщиной под покровительством небес. В лубках 1904 г. частым героем был А.Н. Куропаткин: отмечались его ум и храбрость, внимание к нижним чинам. Пройдет немного времени, и генерал станет объектом уже злободневных частушек.

Энтузиазм населения начального периода войны проявлялся в виде заботы о семьях мобилизованных, помощи раненым. В частности, в Рязанской губернии родственникам военных выплачивались пособия, оказывалась помощь при вспашке земли, перевозке дров, покупках продовольствия и одежды [11. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4022. Л. 2-3]. Эту помощь оказывали волостные общества при поддержке руководства Рязанской губернии. Например, Ерахтурское волостное общество Касимовского уезда выделяло солдатским семьям ежемесячно пособие в размере 1 рубля и 50 копеек [11. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4022. Л. 14 об], что для сельской местности являлось неплохой поддержкой. Рассылаемые Министерством внутренних дел документы указывали на важность немедленного рассмотрения просьб близких мобилизованных, своевременного назначения пособий [11. Ф. 22. Оп. 1. Д. 655. Л. 10]. Это станет недолгим периодом взаимодействия власти и общества, обманчивого ощущения заботы друг о друге.

В первые месяцы кампании отправка людей на фронт сопровождалась воодушевлением и бравыми речами. Провинциальная публика верила, что герои русской армии, от солдата до военачальника, приведут страну к

победе. Например, жители Рязанской губернии восторженно встречали поезд с А.Н. Куропаткиным (проходил через Рязань и Ряжск), а губернатор в послании главнокомандующему отмечал, что его назначение «вселило в каждом русском надежду...» [11. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1335. Л. 7-7 об]. Военный врач В.П. Кравков описывал свой отъезд из Рязани на фронт: «... тронулся наш поезд, напутствуемый добрыми пожеланиями многочисленной плеяды знакомых и родных при бесконечных криках «ура»! ... чувствовалось бодрящее, освежающее дыхание новой жизни при подъеме патриотического воодушевления». Спустя год в дневнике он напишет: «Все совершившееся за этот год представляется каким-то кошмаром...» [19, с. 7, 284].

Критическое отношение к перспективам ведения войны испытывали прозорливые современники, видящие недостатки самодержавной власти и военной системы, а также радикалы. Эсеровская подпольная печать характеризовала общественное состояние «неистовством патриотических чувстоизъявлений» «православно-патриотическими восторгами», что обернется против правительства после военных неудач [24, 1904, №50, с. 9-10; 1904, №52, с. 4]. Рязанский историк С.Д. Яхонтов отмечал в мемуарах: «Уже с начала Японской войны – что-то чувствовалось в деревне [что приведет к крестьянским выступлениям в годы Первой революции]». Про 1914 г. он писал: «Как и в начале Японской [войны], появились признаки зловещие»: «лохматые шапки были на головах ухорских (Село Ухорь Пронского уезда Рязанской губернии – Е.К.) мужиков, которые и на войне не были ... воротившиеся запасные стремились притащить с собою какого-либо казенного добра ... война началась только, но на нее пошли мужики вовсе не с такой беззаветностью, как писали» [37, с. 39].

М.Н. Сурин, исследуя по окончании кампании крестьянские настроения, заключал: «Народ встретил войну, которую он не ждал, с недоумением, но скоро патриотические чувства стали подогриваться». Население оказалось охвачено подъемом, а «с группой интеллигенции, пытавшейся кой-где робко протестовать против войны, расправлялись весьма жестоко» [29, с. 4]. Участник кампании М.В. Грулев указы-

вал на искусственность патриотических настроений, отмечая, что «население ... остается совершенно равнодушным к кровавому пожару, вспыхнувшему на наших отдаленных дальневосточных задворках» [13, с. 104-105]. Население рассматривало конфликт в первую очередь как возможность решения определенных военно-политических задач.

Для провинции испытанием стало проведение значительной по масштабу мобилизации для развертывания армии военного времени. В течение всей кампании на службу принято около 1 185 тыс. человек – прошло девять частных мобилизаций, основным источником которых выступила европейская часть России [25, с. 28-35]. На фронт отправилось поколение, выросшее в период миротворческого правления Александра III. Потеря кормильцев семей сказывалась на состоянии домохозяйств и общественном спокойствии, особенно осенью 1904 г., когда новости о военных неудачах стали обыденностью [25, с. 31, 34]. Возросли масштабы взяточничества на местах, уклонений и членовредительства среди призывников, желавших вернуться домой [29, с. 10; 20, с. 242-243; 14, с. 225; 35, с. 116-117]. Оторванные от привычной жизни, смутно понимающие конкретные цели и задачи ведения кампании, вчерашние крестьяне и рабочие оказались легко восприимчивы к протестным настроениям и революционной агитации, разделяя в той или иной степени радикальные идеи [9, с. 3-4; 10, с. 101-102].

Эпизоды общественного недовольства мобилизацией освещала эсеровская печать, обличая правительственный курс: «В деревнях стоит плач. Усиленный, удвоенный рекрутский набор, призыв запасных и резервистов наносит тяжкие удары крестьянству. Начинаются случаи вспышек открытого неповиновения. Проводы забранных в солдаты вызывают скопления возбужденной толпы в городах. Непопулярность войны и неудачи в ней подливают масла в огонь» [24, 1904, №50, с. 4]. Схожую картину в декабре 1904 г. рисовал диакон Московской губернии, вероятно далекий от леворадикальных воззрений: «Как только объявлено было о призыве запасных, великий плач пошел по селам и деревням ... такого плача и такой скорби я на своем веку

еще не видал...» [29, с. 7-8]. Аналогичные данные приводит и представитель крестьянской среды Московской губернии: «Замечается сильный упадок духа. Говорят, что дела не веселят; проживаем то, что было, а дальше, вероятно, придется голодать. Да и сама война не вызывает сочувствия населения. Ни один призываемый не шел с охотой. Старожилы говорят, что в Турецкую кампанию шли на войну охотнее...» [29, с. 9].

На боеспособность призывников отрицательное воздействие оказали различные проблемы провинциального быта. На это обратил внимание еще В.А. Апушкин, автор одного из первых критических разборов конфликта: «Преждевременно состарившиеся дети наших деревень, разоряемых «недородами», голодными тифами, малоземельем, непосильными податями, пьянством и невежеством во всех сферах жизни, лишённые чувства гражданственности и сознания своего гражданского долга» [1, с. 35]. Изданная годом позже работа М.В. Грулева указывала на ограниченность «умственного кругозора» новобранцев как первостепенную проблему того, что «в мирное ли, в военное ли время – богатые духовные силы задыхаются и глохнут» [15, с. 74]. Губернские власти понимали наличие проблем местной жизни и их влияние на события и процессы кампании, но в основном стремились укрепить моральные устои населения, действуя лишь дисциплинарными методами. Например, в Рязани во время набора призывников закрывались питейные заведения [11. Ф. 19. Оп. 1, Д. 1467. Л. 275].

Участники японской кампании, находясь среди непривычной природы и чужой культуры, испытывали чувство ностальгии по русской глубинке. В.П. Кравков в день Успения Пресвятой Богородицы мечтал оказаться в Рязани «в соборе с ребятами, а оттуда с ними отправился бы по лугам» [19, с. 73]. В памяти он часто воссоздавал образ умершей матери, готовящей пироги к возвращению детей с церковной службы, а также «интересной рассказчицы страшных сказок в длинные зимние вечера под тусклым светом лампы». Но пасторальный облик провинции сменился ареной глубоких социально-политических противоречий, имевших кровавые последствия.

Интересный случай, раскрывающий внутренние конфликты, произошел в селе Алешино Дмитриевского уезда Московской губернии. Врач земской лечебницы Варвара Ивановна Маршева в беседах обличала Русско-японский конфликт: «Напрасно правительство ведет войну», «Государь ведет войну из-за золота»; «Вас как баранов гонят на войну, а вы идете» и т.д. Примечательна ее биография: дочь купца, окончила женские врачебные курсы в столице, ездила на стажировку в Вену, что показывает материальное и интеллектуальное отличие от местных жителей. В августе 1904 г., после доносов, про ее высказывания стало известно Губернскому жандармскому управлению, но в итоге прокурор московской судебной палаты прекратил дело, так как женщина не совершала «какого-либо бунтовщического или изменнического действия», лишь критиковала действия правительства, а не призвала к его свержению [12. Ф. 58. Оп. 1. Д. 442].

Частные мобилизации вызывали недовольство населения, тем более, что кому-то удавалось их избежать. Например, в Московское губернское жандармское управление поступил донос на врача больницы при фабрике Фермана близ села Алексеевское Василия Львовича Гольдберга. Сообщалось, что несмотря на «призвание на действительную службу на Дальний Восток», он находится дома, так как «видимо, откупился». После уточнения информации выяснилось, что он все же отправился на войну [12. Ф. 58. Оп. 1. Д. 525. Л. 83-84].

Месяцы конфликта меняли образ внешнего врага для населения. Отмечались хитрость японцев и тщательная подготовка к войне, что, однако, не должно помешать победе русского оружия. Второй выпуск (январский) «Будильника» за 1905 г. по-прежнему был полон оптимизма о перспективах кампании. Японский бюджет сравнивался с пузырьком, который скоро лопнет. Противник предстал в виде хитрой, нищей женщины, умеющей только «раздуть» и «надувать» военные и экономические успехи [5, 1905, №2, с. 1, 5]. В выпуске февраля 1905 г. осторожно высказывалась тема заключения мира. Война обозначалась «стихийным бедствием», которую вынуждена «начать миролюбивая держава». Но «рука бойцов колоть устала», «мир уже вита-

ет кругом ..., который всегда победит войну». На обложке представлялась робкая девушка, символизирующая мир, не подпускаемая разъяренными русским и японским солдатами. Однако другой февральский выпуск изображает японского кота, пытающегося навязать свои мирные условия – «японский кот забыл русскую поговорку «не все коту масленица» [5, 1905, №5, с. 1, 5; 1905, №7, с. 1, 3].

Выпуски «Будильника» весны-лета 1905 г. наполнены карикатурами на международные дела. Русская армия представлена в образе богатыря, «честно» воюющего против японского трехглавого чудовища. Авторы заключают, что «сказочные времена прошли» для русского богатыря, «явилась современная действительность, когда все средства хороши». Карикатуры обвиняли японцев в затягивании войны, а европейские страны – как «добрых соседей» – в подстрекательстве России и Японии к войне, затем к реализации корыстных интересов, а не устремлении к прекращению кровопролития. Мир предстает в виде невинной девушки, стучащейся в дверь к европейским политикам [5, 1905, №11, с. 1, 3; 1905, №9, с. 1, 5; 1905, №24, с. 1, 5]. Эти образы раскрывают тему «исторического одиночества России», популярную среди населения, считавшего, что во все времена страна, в отличие от противников, воюет с честью и достоинством. Обратной стороной стало снижение веры народа в способность России продвигать собственные интересы на международной арене, противостоять враждебным государствам.

Без победоносных новостей провинциальные жители теряли интерес к событиям и процессам войны [29, с. 16-20]. Безразличные настроения наблюдались и среди участников кампании [19, с. 161]. Но часть провинциальной публики искала причины военных неудач, обращаясь к общественно-политическому развитию России. Ходили разговоры об измене в высших кругах, обсуждали командиров, получивших свои посты «за умение угодить начальству» или в результате связей. Менялось восприятие прежде сакральной для периферии фигуры императора. Звучали мнения, что причина неудач – политика Николая II, а монархия России не нужна. Жандармские органы напол-

нялись делами об оскорблении фигуры правителя. Например, крестьянин Рузского уезда Московской губернии Трофим Иванов весной 1905 г. публично оскорблял самодержца, заявляя, что «готов пожертвовать собой, а для государя императора готова пуля». Столяр вагонного цеха при станции в Можайске в июне 1905 г. «во время разговора о войне с Японией произнес дерзкие, оскорбительные слова против особы Государя» [12. Ф. 63. Оп. 25. Д. 649. Л. 1; Ф. 58. Оп. 1. Д. 525. Л. 99].

Вместо военных сводок на первый план для провинциального населения вышли экономические последствия конфликта. Отдаленность театра военных действий выступила теперь фактором восприятия причин кампании не как решения задач национальной обороны, а проявления захватнической политики правительства в интересах власть имущих. Народ видел двигатель войны в «каких-то концессиях, пайщиками которых были высокопоставленные особы» [29, с. 21]. Объем жертвований на нужды фронта снижался, сокращалась забота населения о раненых или семьях мобилизованных. Например, крестьяне Волоколамского уезда заявили земскому начальнику: «Не мы затеяли войну, не нам и расхлебывать», не желая оказывать помощь призывникам [29, с. 13]. На фронте же в это время ходили слухи, что итогом кампании станет перераспределение земель в пользу трудящихся [6, с. 211]. После войны социальные низы принесли эти идеи в повседневную жизнь провинции.

Проблемой стало устройство на работу солдат, вернувшихся домой по причине ранения. Действовал Комитет по приисканию мест воинским чинам, пострадавшим на войне с Японией, под покровительством императрицы Александры Федоровны. Были разработаны специальные анкеты для военных с указанием личных сведений, звания, наличия ранений, наград, желаемой должности, на основе которых в городах формировались списки. Например, в Рязани среди должностей часто называли: швейцар, сторож, весовщик на железной дороге, буфетчик, управляющий домом, жандарм, сотрудник казенной винной лавки, почты [11. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1467. Л. 181]. Часть вернувшихся домой смогла вернуться к мирной

жизни, другая – превратилась в маргиналов, важный элемент будущих потрясений.

Порт-Артур, Мукден и Цусима раскрасили образ противника социально-политическими идеалами. Странники преобразований видели Японию примером успешной модернизации. «Значит у них сила порядочная, коли все наших бьют», – говорил крестьянин Клинского уезда [29, с. 15]. Ревнителю старого порядка искали в японцах моральную стойкость, которую не находили среди российских военных, якобы подверженных левой пропаганде. «Японцы большие патриоты. Отечество свое любят до самоотвержения, и для блага его готовы на высокие подвиги и жертвы. Свое родное им всегда дороже иноземного», – писал зарайский священник Иоанн Волков [26, 1904, №16, с. 72]. Интересна позиция брата В.П. Кравкова Николая, жившего во время войны в Рязанском уезде Рязанской губернии. Странников заключения мира летом 1905 г. он клеймил «лже-либералами», в которых «нет ничего умного и искренне русского». Общение с крестьянами привело его к убеждению, что они в отличие от интеллигенции и военачальников полны «патриотизма и геройства», способны одолеть врага на поле боя. В.П. Кравков характеризовал это «воинственным романтизмом», «святой верой, что существуют все-таки люди гражданского долга и бескорыстного служения родине», «чувствами молодого профессора, не соприкоснувшегося вплотную с нашей российской действительностью» [19, с. 320-321].

Революционное движение проникало в провинцию с агитацией, частой темой которой был русско-японский конфликт. В мае 1904 г. в д. Тиняково Серпуховского уезда обнаружена прокламация «Война против войны», распространяемая неизвестными лицами с призывами прекратить японскую кампанию и подняться против правительства [12. Ф. 58. Оп. 1. Д. 427. Л. 18]. В декабре 1904 г. у дворянина Владимира Александровича Стругова (хутор Крутое Нижегородской губернии) найдена эсеровская листовка «Долой войну!» [12. Ф. 63. Оп. 25. Д. 246]. В это же время данное воззвание циркулировало на фабрике Людвиг Рабенека близ села Соболево Богородского уезда Московской губернии. Листовки «К новобранцам» в январе 1905 г. были расклеены в Мор-

шанске, а также обнаружены в Москве, Рязани, Смоленской и Воронежской губерниях [12. Ф. 63. Оп. 25. Д. 193, 295, 282; Д. 862. Л. 12; Д. 494; Ф. 58. Оп. 1. Д. 504. Л. 7].

Порой революционная агитация велась маргиналами, не осознающими своей роли. Например, крестьянин д. Воропаевой Подольского уезда Московской губернии распространял эсеровскую листовку «К запасным», но следствие пришло к выводу, что он «ведет нетрезвый образ жизни», постоянно живет в кабаках и судить его бессмысленно [12. Ф. 63. Оп. 58. Д. 494. Л. 46]. Этим пользовались странники революционных партий, выдавая себя за пьяниц, к которым якобы случайно попали пропагандистские материалы.

В прокламациях война рисовалась народным бедствием, выгодным лишь верхам. Характерно воззвание социал-демократов, распространяемое весной 1905 г.: «До каких пор мы позволим царскому правительству издеваться над народом, губить лучшие силы наши и выжимать из нас трудовые гроши? А подсчитаем-ка, во что обошлась России эта никому...ненужная война?» [12. Ф. 63. Оп. 25. Д. 282]. В отечественной леворадикальной мысли традиционно господствовало убеждение, что захватнические войны, как порождение несправедливого строя, исчезнут в случае успеха революции. В условиях неудачной японской кампании эти идеи получали актуальное звучание для населения.

Верные правительству общественные силы через легальную агитацию пытались убедить народ проявить жертвенность во имя военных целей и преданность императорской власти. Об этом писалось даже в обращении «Московского комитета о народной трезвости», который полагал, что «в настоящую тяжелую годину испытаний, ниспосланных Богом дорогой родине, когда каждый истинно русский все свои силы, средства и помыслы должен принести на борьбу с врагом, посягающим на нашу честь и достояние» есть некие силы, которые «держат посягнуть на внутреннее спокойствие страны» [12. Ф. 58. Оп. 1. Д. 525. Л. 16]. Однако остановить революционную активность, развернувшуюся на фоне поражений на фронте, подобным организациям в 1905 г. было не под силу.

Усиливавшаяся конфронтация ревнителей старого порядка и левых сил в условиях военного времени создала почву для вооруженного гражданского противостояния. Домой вернулись мобилизованные, для которых образ врага зачастую заключался уже во вчерашних командирах, ответственных за поражения на фронте. Кампания обострила конфликт «помещика» и «крестьянина», затем перенесся его в провинциальную жизнь. Военный врач В.В. Вересаев, характеризуя возвращение нижних чинов, отмечал «темную, слепую, безначально-бунтующую силу», которая «прорывалась на каждом шагу» [6, с. 186]. Участник кампании Н.В. Воронович в воспоминаниях описывал состояние солдатской массы: «Деморализация, начавшаяся в армии после мукденского поражения, достигла своего апогея. Злоба, накапливавшаяся месяцами, прорвалась наружу в самых уродливых формах. Не желая разбираться в том, кто являются виновниками их 20-месячной страды, запасные вымещали свою злобу на каждом, кто являлся каким-либо начальством или носил «ясные погоны» [8, с. 73]. Возвращение мобилизованных в европейскую часть России совпало с всеобщей октябрьской стачкой, традиционно оцениваемой как пик первой российской революции.

Русско-японская кампания повлияла не только на усиление бунтарских настроений народа, но и изменила его взгляд на войну как цивилизационное явление. Работавший на фронте медик Е.С. Боткин писал, что «солдат очень двинулся за последние двадцать пять лет: он уже очень и очень рассуждает; ему мало исполнять приказания, ему нужно и понимать, для чего он должен делать то или другое. Видимо, он задается даже вопросом, можно ли воевать вообще» [4, с. 51]. В.П. Кравков отмечал: «От многих военных ... мне приходилось слышать признание, что они в эту кампанию настолько переменили свои взгляды на войну начала XX века вследствие испытанных ужасов, что считали бы за наилучшее ее совсем упразднить и разрешать всякие международные недоразумения не пушками и пулеметами, а переговорами, конференциями, союзами...» [19, с. 124].

Провинция вовлекалась в социально-политические процессы, в том числе общественность размышляла о проблемах государственного устройства и организации национальной обороны. Идейной основой этих размышлений стали народные чаяния, где политическая апатия и конъюнктура, учение о любви к ближнему, жертвенность и терпение сочетались со стремлением к черному переделу, вольнице, неприятию богатых и власть имущих, слабом понимании политических доктрин и международных процессов. Русско-японская война способствовала проявлению «механизма маятника» – бравая поддержка войны и верноподданические настроения сменились протестами, отторжением прежних общественно-политических ориентиров. Эта тенденция усиливалась еще и тем, что война принесла населению российской провинции реальные трудности – происходил рост цен и, как следствие, – падение уровня жизни, ощущался кадровый голод на промышленных предприятиях и недостаток рабочих рук в деревне, множились социальные и бытовые проблемы. Сводки с театра боевых действий, масштаб потерь не добавляли позитива; больные и раненые, вернувшись с фронта, получая минимальное содержание, часто оказывались без средств к существованию и пополняли ряды недовольных властью.

Проблемы, вызванные войной, были в центре внимания провинциального населения Центральной России на протяжении всего военного времени, но в общественно-политической жизни явно прослеживаются два направления. Первое направление связано с восприятием войны как некоего долга, требующего консолидации общества, героизма на полях сражений, а в тылу – организации помощи фронту (забота о семьях военных, поддержка раненых, сбор пожертвований на нужды войны). С другой стороны, общество оказалось не готово к тем лишениям, которые принесла война, что привело к росту критических настроений не только по отношению к военному конфликту, но и власти, которая не способна добиться побед на фронте и решить социально-экономические проблемы в тылу.

Одну из причин поражения в войне общество видело в существующем государственном

строе, и к концу войны главным врагом для русского общества, в том числе провинциального, стало самодержавие, а не Япония. Война, проводившаяся не только для решения определенных геополитических задач, но и являвшаяся для власти способом отвлечения общества от внутренних трудностей («маленькая победоносная война»), привела к еще большим проблемам, средством решения которых для народа стала революция. Народ обратился к поискам сильной власти, способной выполнять охранительные функции как ключевой элемент общественного порядка. Военные неудачи изменили и самовосприятие провинции

– как места подавления человеческой свободы, отчего и Россия не могла внутренне развиваться и противостоять врагам. Отсутствие реальных действий со стороны властей подталкивало население к разным формам активности – от участия в легальных комитетах и комиссиях, кооперативных обществах до вступления в партийные ячейки и включения в протестные акции. Новое наполнение предоставили радикалы с близкой социальным низам программой достижения справедливости, где важным компонентом стал отказ от захватнических войн как средства решения внутренних и международных противоречий.

Список литературы

1. Апушкин В.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. – М.: Образование, 1910. – 213 с.
2. Беглов А.Л. Православный приход Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: состояние, дискуссии, реформы: Дисс. ... на соискание ученой степени д-ра ист. наук. – М., 2020. – 1057. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44603817>
3. Белоусов И. Из воспоминаний о 1905 годе // Каторга и ссылка. – 1925. – № 07(20). – С. 7 (7-15)
4. Боткин Е.С. Свет и тени русско-японской войны 1904–05 гг. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. – 95 с.
5. Будильник. Литературно-художественный сатирический журнал. – 1904-1905.
6. Вересаев В.В. Записки врача. На японской войне. – М.: Правда, 1986. – 556 с.
7. Воробьева Э.А. Война и общество. Сибирь и Дальний Восток в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2021. – 248 с. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44057273>
8. Воронович Н.В. Русско-японская война. Воспоминания. – Нью-Йорк: (б/и), 1952. – 78 с.
9. Гершельман Ф.К. Мысли о Японской войне. – М., 1908.
10. Геруа А.В. После войны. О нашей армии. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1906. – 283 с.
11. Государственный архив Рязанской области.
12. Государственный архив Российской Федерации.
13. Грулев М.В. В штабах и на полях Дальнего Востока. – СПб.: Изд. В. Березовский, 1908. – 250 с.
14. Грулев М.В. Записки генерала-еврея. – М.: Кучково Поле; Гиперборея, 2007. – 270 с.
15. Грулев М.В. Злобы дня в жизни армии. – Брест-Литовск: Тип. И. Кобринца, 1911. – 331 с.
16. Гущин А.В. Русская армия в войне 1904–1905 гг. Историко-антропологическое исследование влияния взаимоотношений военнослужащих на ход боевых действий. – СПб.: Реноме, 2014. – 254 с.
17. Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. – М.: Воениздат, 1986. – 750 с.
18. Иконников С.А. Требоисполнение как источник материального обеспечения православного приходского духовенства во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам епархий Центрального Черноземья) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2017. – № 2. – С. 24-38.
19. Кравков В.П. Война в Маньчжурии. Записки дивизионного врача. – М.: Вече, 2016. – 381 с.
20. Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904–05 гг.: итоги войны. – СПб: Полигон, 2002. – 527 с.
21. Михайлова И.П. Отклик на события Русско-японской войны в газете «Курский листок» (1904–1905) в контексте идей эпохи // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2020. – № 8 (33).
22. Орловские епархиальные ведомости. – Орел, 1904.
23. Петров Г.С. Война и мир. – СПб: Тип. В.Ф. Вошинской, 1904. – 48 с.
24. Революционная Россия. Газета партии социалистов-революционеров. 1904.
25. Русско-Японская война 1904–1905 гг. Т. VII. Ч. 1-2. Тыл действующей армии. – СПб., 1910. – 42 с.
26. Рязанские епархиальные ведомости. – Рязань, 1904-1905.
27. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М., 1999. – 172 с.
28. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX в.: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М.: РОССПЭН, 2006. – 287 с.
29. Сурин М.Н. Война и деревня. – М.: Тип. П.К. Прянишникова, 1907. – 36 с.
30. Тверские епархиальные ведомости. 1904-1905.
31. Тульские епархиальные ведомости. 1904-1905.
32. Федорова Н.В. Визуальные образы Русско-японской войны в контексте формирования патриотических настроений // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. – 2018. – № 1. – С. 81–87.
33. Филиппова Т.А. «Желтая опасность»: Гендерные образы Востока в русской журнальной сатире эпохи Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Восточный архив. – 2020. – № 2 (42). – С. 36–45.
34. Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 г.). – М.: Культур. центр «Духов. Биб-ка», 2002. – 623 с.
35. Холодов В.А. Русско-японская война 1904–1905 в восприятии населения Орловской губернии (по данным Орловской прессы) // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2011. – № 4 (42). – С. 111-124.
36. Ярославские губернские ведомости. 1904-1905.
37. Яхонтов С.Д. Моя жизнь в деревне и в Рязани 1905–1938 гг. // Рязанский этнографический вестник. – №47. – Кн. 13. – Рязань, 2012. – 102 с.

References

Елена Анатольевна Кирьянова, Александр Сергеевич Романика, Андрей Николаевич Терехин

1. **Apushkin V.A.** Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg. – M.: Obrazovanie, 1910. – 213 s.
2. **Beglov A.L.** Pravoslavny'j prihod Rossijskoj imperii na rubezhe XIX–XX vv.: sostoyanie, diskussii, reformy': Diss. ... na soiskanie uchenoj stepeni d-ra ist. nauk. – M., 2020. – 1057. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44603817>
3. **Belousov I.** Iz vospominanij o 1905 gode // Katorga i ssy'lka. – 1925. – №07 (20). – S. 7 (7-15)
4. **Botkin E.S.** Svet i teni russko-yaponskoj vojny` 1904–05 gg. – SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1908. – 95 s.
5. **Budil'nik.** Literaturno-xudozhestvenny'j satiricheskij zhurnal. – 1904-1905.
6. **Veresaev V.V.** Zapiski vracha. Na yaponskoj vojne. – M.: Pravda, 1986. – 556 s.
7. **Vorob'eva E'.A.** Vojna i obshhestvo. Sibir` i Dal'nij Vostok v gody` Russko-yaponskoj vojny` 1904–1905 gg. – Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2021. – 248 s. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44057273>
8. **Voronovich N.V.** Russko-yaponskaya vojna. Vospominaniya. – N'yu-York: (b/i), 1952. – 78 s.
9. **Gershel'man F.K.** My`sli o Yaponskoj vojne. – M., 1908.
10. **Gerua A.V.** Posle vojny`. O nashej armii. – SPb.: Tip. A.S. Suvorina, 1906. – 283 s.
11. **Gosudarstvenny'j arxiv Ryazanskoj oblasti.**
12. **Gosudarstvenny'j arxiv Rossijskoj Federacii.**
13. **Grulev M.V.** V shtabax i na polyax Dal'nego Vostoka. – SPb.: Izd. V. Berezovskij, 1908. – 250 s.
14. **Grulev M.V.** Zapiski generala-evreya. – M.: Kuchkovo Pole; Giperboreya, 2007. – 270 s.
15. **Grulev M.V.** Zloby` dnya v zhizni armii. – Brest-Litovsk: Tip. I. Kobrinca, 1911. – 331 s.
16. **Gushhin A.V.** Russkaya armiya v vojne 1904–1905 gg. Istoriko-antropologicheskoe issledovanie vliyaniya vzaimootnoshenij voennosluzhashchix na hod boevy'x dejstvij. – SPb.: Renome, 2014. – 254 s.
17. **Ignat'ev A.A.** Pyat`desyat let v stroju. – M.: Voenizdat, 1986. – 750 s.
18. **Ikonnikov S.A.** Treboispolnenie kak istochnik material'nogo obespecheniya pravoslavnogo prihodskogo duxovenstva vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. (po materialam eparxij Central'nogo Chernozem'ya) // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija. – 2017. – № 2. – S. 24-38.
19. **Kravkov V.P.** Vojna v Man'chzhurii. Zapiski divizionnogo vracha. – M.: Veche, 2016. – 381 s.
20. **Kuropatkin A.N.** Russko-yaponskaya vojna 1904–05 gg.: itogi vojny`. – Spb: Poligon, 2002. – 527 s.
21. **Mixajlova I.P.** Otklik na soby'tiya Russko-yaponskoj vojny` v gazete «Kurskij listok» (1904–1905) v kontekste idej e'poxi // Ucheny'e zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2020. – № 8 (33).
22. **Orlovskie eparxial'ny'e vedomosti.** – Orel, 1904.
23. **Petrov G.S.** Vojna i mir. – SPb: Tip. V.F. Voshhinskoj, 1904. – 48 s.
24. **Revoljucionnaya Rossiya.** Gazeta partii socialistov-revoljucionerov. 1904.
25. **Russko-Yaponskaya vojna 1904–1905 gg.** T. VII. Ch. 1-2. Ty'l dejstvuyushhej armii. – SPb., 1910. – 42 s.
26. **Ryazanskie eparxial'ny'e vedomosti.** – Ryazan', 1904-1905.
27. **Senyavskaya E.S.** Psixologiya vojny` v XX veke: istoricheskij opyt Rossii. – M., 1999. – 172 s.
28. **Senyavskaya E.S.** Protivniki Rossii v vojnax XX v.: e`voljuciya «obraza vraga» v soznanii armii i obshhestva. – M.: ROSSPE`N, 2006. – 287 s.
29. **Surin M.N.** Vojna i derevnya. – M.: Tip. P.K. Pryanishnikova, 1907. – 36 s.
30. **Tverskie eparxial'ny'e vedomosti.** 1904-1905.
31. **Tul'skie eparxial'ny'e vedomosti.** 1904-1905.
32. **Fedorova N.V.** Vizual'ny'e obrazy` Russko-yaponskoj vojny` v kontekste formirovaniya patrioticheskix nastroenij // Trudy` Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshheniya. – 2018. – № 1. – S. 81–87.
33. **Filippova T.A.** «Zheltaya opasnost'»: Genderny'e obrazy` vostoka v russkoj zhurnal'noj satire e'poxi Russko-yaponskoj vojny` 1904–1905 gg. // Vostochny'j arxiv. – 2020. – № 2 (42). – S. 36–45.
34. **Firsov S.L.** Russkaya Cerkov` nakanune peremen (konecz 1890-x – 1918 g.). – M.: Kul'tur. centr «Duxov. Bib-ka», 2002. – 623 s.
35. **Xolodov V.A.** Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 v vospriyatii naseleniya Orlovskoj gubernii (po dannym Orlovskoj pressy) // Ucheny'e zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 4 (42). – S. 111-124.
36. **Yaroslavskie gubernskie vedomosti.** 1904-1905.
37. **Yaxontov S.D.** Moya zhizn` v derevne i v Ryazani 1905–1938 gg. // Ryazanskij e`tnograficheskij vestnik. – №47. – Kn. 13. – Ryazan', 2012. – 102 s.

Информация об авторах

Кирьянова Елена Анатольевна, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России и методики обучения истории и обществознанию федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», г. Рязань, Российская Федерация, SPIN-код автора: 6709-5231, AuthorID: 517357, e.kiryanova@rsu-rzn.ru

Information about the authors

Elena A. Kiryanova, Dr. Sci (History), docent, Head of the Chair of Russian History and Methods of Teaching History and Social Studies, Rязan State University named for S.A. Yesenin, Rязan, Russian Federation, SPIN-code: 6709-5231, AuthorID: 517357, e.kiryanova@rsu-rzn.ru

Романика Александр Сергеевич, кандидат ис-

Alexandr S. Romanika, Ph.D. (History), docent at

торических наук, доцент кафедры истории России и методики обучения истории и общественному федеральному государственному бюджетному образовательному учреждению высшего образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», г. Рязань, Российская Федерация, SPIN-код автор: 4868-4747, AuthorID: 858269, a.romanika@rsu-rzn.ru

Терехин Андрей Николаевич, студент Института истории, философии и политических наук федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», г. Рязань, Российская Федерация, a.terekhin2506@stud.rsu-rzn.ru

the Chair of Russian History and Methods of Teaching of History and Social Studies, Ryazan State University named for S.A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation, SPIN-code: 4868-4747, AuthorID: 858269, a.romanika@rsu-rzn.ru

Andrey N. Terekhin, student of the Institute of History, Philosophy and Political Sciences, Ryazan State University named for S.A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation a.terekhin2506@stud.rsu-rzn.ru

Статья поступила в редакцию 08.12.2025

Поступила после рецензирования 16.12.2025

Принята к публикации 30.12.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Received 08.12.2025

Revised 16.12.2025

Accepted 30.12.2025

The authors have read and approved the final manuscript.

Для цитирования: **Кирьянова Е.А., Романика А.С., Терехин А.Н.** Русско-японская война и общественно-политическая жизнь провинции центральной части России // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2026. – №1 (38). – С. 27-39.

For citation: **Kiryanova E.A., Romanika A.S., Terekhin A.N.** The Russian-japanese war and the socio-political life of the provinces of central Russia // Humanities researches of the Central Russia. – 2026. – №1 (38). – P. 27-39.

DOI 10.24412/2541-9056-2026-138-27-39